

Лажечников И. И.

Отрывок из романа

Колдун на Сухаревой башне

Лажечников И. И. Собрание сочинений. В 6 томах. Том 1. М.: Можайск--Терра, 1994.
[OCR Бычков М. Н.](#)

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА

Первое письмо

от князя Ивана Алексеевича Долгорукого к статскому советнику Финку, от 20 июня 1726 г., из Петербурга в Москву

Осечка, жестокая осечка, любезный друг! Что ж делать? Первую песенку зардевшись поют. Впрочем, старые наши певцы, из которых, признаться, многие спадают уж с голосов, не могут пожаловаться, что мой 15-летний дискант расстраивал их хор. Дядя Василий Лукич целовал меня в лоб и сказал, что я поддержу нашу фамилию; батюшка, по обыкновению, раскивается, охает и между тем не бранит меня -- пуще всего доволен, что не было денежных затрат на мои затеи: прочая братия, смиренно потупив очи (при дворе) и облизываясь, как старый кот, ожегшийся на добыче, сказала мне, однако ж, даже по задушевному "спасибо". Сам Остерман -- этот старый рыбак, который любит ловить рыбу в мутной воде,-- смотря издали с берега, как мы запускали невод, бросил на меня свои лисьи взгляды одобрения. Он и после неудачи сделался особенно ко мне внимателен. О! Да этот человек видит, что после смерти императрицы надо будет искать во мне...

Заговор был прекрасно устроен, время выбрано самое удобное: мы воспользовались отсутствием Меньшикова в Курляндию, куда он ездил выпрашивать себе герцогство. Но он обжегся на этом пироге, а мы -- на закуске, ему приготовленной. Герцог голштинский, по настоянию Бассевича, на беду свою -- припомните мое слово -- выхлопотал ему прощение. Это безрассудное ходатайство и чувство благодарности за старые, семейные заслуги превозмогли наши успехи в сердце доброй государыни.

По крайней мере, вы, любезнейший статский советник и мой собственный тайный советник, не можете сетовать на меня, что я худо понял ваши уроки. Право, ученичок и друг достоин вас. История скажет, что я, шестнадцатилетний мальчик, был одним из главных действующих лиц в заговоре против -- кого же? -- Меньшикова, которого боится вся Россия, опасается сам Остерман и ласкают иностранные государи. Попытка кончилась тем, что меня немножко пожурили, и я завтра же отправлюсь в чужие края. Нет худа без добра: хотя я с вами долго жил и учился в отечестве Лейбница и вашего любимого преобразователя, Лютера, все-таки не мешает еще поучиться. Не прежде увижу Россию, как тогда, когда увижу над ней царем внука Петра Великого и моего товарища детства, моего задушевного друга. О, тогда ожидайте перемен, и перемен больших. Россия! Милое отечество! Ты будешь счастлива...

Тогда и вы, любезнейший наставник, постучитесь у моего сердца: будьте благонадежны, что в нем найдете отголосок на все высокое и доброе. По вашим советам перейдем что-нибудь от шведов, которых вы так хорошо знаете. Тогда Боже сохрани вас сказать, что они живут счастливее нас, русских: мы до этого нареkania вас не допустим.

Если увидите у нас в доме дедушку Божедома, то скажите ему хоть через сестру мою -- с вами сношений он не захочет иметь,-- что я еду в басурманщину поневоле, что я там скоромного в пост есть не буду, папских туфель не поцелую и антихристу не поклонюсь, если он и народится. Вот человек, который с вами составляет настоящую янусову фигуру: вы смотрите все *вперед*, а он все назад; вы тянете меня *вогаус*, а он тянет на попятный двор. Он хотел бы не только меня -- все народы загнать в леса да заставить их читать одну Четью-Минею. А над этими народами, наверно, поставил бы царицей свою Евдокию Федоровну, первым министром сделал бы какого-нибудь закоснелого старообрядца. Утешьте старика и скажите ему, что я помню его советы: последнее действие мое против заклятого врага его, Меньшикова, это доказывает. Прибавьте, что здесь об уничтожении Божьих домов и помину нет. Ему